

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 1(091)

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/104-109](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/104-109)

Е.Н. Мотовникова*

О ПРОБЛЕМАХ И СТРАТЕГИЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ ОРГАНИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ**

В статье анализируются научная актуальность и философско-методологические возможности исторической реконструкции органического понимания истории как целостной традиции в русской мысли XIX-XX вв. Автор рассматривает проблемы, с которыми может столкнуться исследователь, реконструируя специфику метода и стиля мышления органицистов, а также размышляет о наиболее адекватной и методологически эффективной позиции исследователя в данном контексте.

Ключевые слова: историческая реконструкция, философия истории, органицизм, интеллектуальная традиция, стиль мышления, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, Г.С. Померанц

Reconstructing Russian tradition of organic interpretation of history: issues and strategies. ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article analyzes scientific relevance and philosophical and methodological possibilities of the historical reconstruction of the organic interpretation of history as a holistic tradition in Russian thought of the 19th and 20th centuries. The author focuses on the issues that any researcher, reconstructing specifics of organicists' method and style of thinking, may face and reflects on the most adequate and methodologically effective position that this researcher could take in this context.

Keywords: historical reconstruction, philosophy of history, organicism, intellectual tradition, thinking style, Apollon Grigoriev; Nikolay Strakhov; Grigory Pomerants

Русская традиция органического понимания истории – одна из составляющих российской интеллектуальной истории, исследованных мало и фрагментарно, предметно-целостно же, как таковая, не изучавшаяся до сих пор. Можно предположить, что в первую очередь эта неизученность обусловлена тем, что такая традиция никогда не существовала в каких-либо организованных формах и представляет собой некую «естественную», стихийную преемственность нефиксированной совокупности предпосылок,

установок, принципов исторического, и шире – гуманитарного мышления, передававшихся и передающихся поныне в несистематизированных, неформализованных коммуникациях, прежде всего – через свободное самоопределение в круге чтения в процессе самообразования. Поэтому сама органическая традиция как историческое целое является именно реконструированной, пока только предварительно, в рамках современных усилий по осмыслению и возрождению коллективного интереса к недооценен-

* МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

© Мотовникова Е.Н., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 16-03-00704.

ным именам и идеям в области истории российской гуманитарной мысли (см., напр.: [4; 5; 6]).

Наиболее общими чертами этого реконструируемого целого являются такие идеи и установки мышления, которые сегодня наиболее известны в философском сообществе под именами холизма (или холистичности), телеологизма и историчности, познавательного кеносиса и теоретического скепсиса, имеющими разнородное происхождение и разрозненные контексты употребления. В этой ситуации встает вопрос о создании опознаваемого языка описания реконструируемой традиции, более-менее определенной системы концептов, однако сами предпосылки органического понимания истории, которые нельзя упускать из вида в процессе его историко-философской и культурно-исторической реконструкции, обуславливают неизбежность встречи исследователя с рядом проблем. Наиболее актуальные из первостепенных, как представляется, – это взаимосвязанные проблемы герменевтической реконструкции общего метода и индивидуальных стилей представителей русской органической традиции, а в связи с этим – проблема адекватной (эффективной) исследовательской позиции самих философов-историков, участников проекта реконструкции.

На первое место здесь можно поставить проблему и задачу реконструкции авторского стиля каждого писателя-мыслителя органической традиции, поскольку родовая черта всех органицистов – яркая, откровенная, часто даже подчеркнутая стилистическая индивидуальность. Каждый из них чрезвычайно высоко ценил и культивировал неповторимость своего стиля, письма, мышления, выражения, языка – оригинальность, не подлежащую типизации и обобщению. «Обладать стилем, – писал ближайший к нам выдающийся представитель традиции органического исторического мышления Григорий Померанц, – это значит быть самим собой» [8, с. 9]. «Найти свой стиль – значит найти свое внутреннее зернышко, свое чувство Истины» [8, с. 9]. Это *чувство* истины действительно ярко характеризует индивидуальность письма Ап. Григорьева и Н.Н. Страхова, Ю.Н. Говорухи-Отрока и В.В. Розанова, М.М. Бахтина и самого Г.С. Померанца. Оно улавливается непосредственно при чтении каждого их текста и заставляет вчитываться и вдумываться в авторские размышления, даже когда они кажутся на первый взгляд слишком субъективными. Но как возможна *рациональная* реконструкция, если это – чувство, интуиция, вдохновение, взвол-

нованность? Обладать собственным стилем означает, согласно истолкованию Г.С. Померанца, «совершенно верить себе, своему интуитивному знанию, куда повернуть, а не только знать какие-то образцы» [8, с. 9]. Переводима ли такая стилевая установка на теоретико-методологический язык? Бесспорно, например, романтическое начало стиля мышления Ап. Григорьева (который и сам называл себя «последним романтиком»), но когда требуется определить идейные основы его литературной критики, Б.Ф. Егоров вынужден сетовать на избыточную многозначность существующих литературоведческих терминов и делать постоянные оговорки насчет *особенного* «романтизма» раннего Григорьева, соединенного с *особенной* же «патриархальностью» [3, с. 11], а затем – и об *особых* значениях его «реализма» и «идеализма» [3, с. 25], сама особость которых имеет значение и выявляется как значимая лишь в исторически реконструируемом общественном и литературном контексте григорьевских выступлений, в связи с историей его индивидуального развития и существенных идейных трансформаций.

Как подчеркивает Г.С. Померанц, «стиль – это установка на разговор с известного круга людьми» [8, с. 8]. Если можно считать корректным трактовать это высказывание как относящееся и к понятию «стиль научного мышления»¹, то есть в том смысле, что стиль – это общий язык определенного исследовательского сообщества и общий круг обсуждаемых вопросов и проблем, то это выражение может быть понято близко к тому, что в методологии и философии науки принято называть теоретико-методологическим единством. При том, что каждый индивидуально ищет *свой* стиль, в стиле, как его понимает Г.С. Померанц, есть и то, что подлежит усвоению, подражанию, воспроизведению, трансляции в пространстве и во времени. Более того, на взгляд этого мыслителя, именно эта «повторимая» сторона стилевого поведения имеет наибольшее социально-историческое значение: «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию» [7]. В чем же состоят специфические черты «органической цивилизации» в мире русской мысли?

Характеризуя свой стиль, Г.С. Померанц выделял в нем те же особенности, которыми

¹ О современном переосмыслении значения категории познавательного стиля в философии научного познания, о значении культурно-исторического подхода к выявлению стилевого начала как целостной характеристики научного творчества см.: [11, с. 26-29].

отмечены работы и других русских органицистов XIX – начала XX вв.: «Я действительно удерживаю в уме несколько параллельных (и не только параллельных) рассуждений и скорее даю направление к синтезу, чем простое однозначное решение. Я передаю читателю больше открытых вопросов, чем ответов» [7] (выделено Г.С. Померанцем – *прим. авт.*). Неприятие упрощенных теоретических схематизаций жизненных процессов и сил, претендующих объяснить всё и навсегда; интеллектуальная и эмоциональная открытость, неоднозначность суждений, внимание к иррациональному – само это сходство установок мышления, которое нельзя объяснить прямой преемственностью, ученичеством², указывает на глубинное типологическое родство органицистов, на общую им определенную прирожденную склонность к умственной самодеятельности, самобытности. В проявлении и развитии этой врожденной черты, надо полагать, судя по ярким биографиям, важнейшую роль сыграло и сильное волевое начало, способность к сопротивлению авторитетам, к порой рискованному экзистенциальному выбору и к ответственности, влекомой этим «не-алиби»: «Я отвергаю прямолинейные решения сложных вопросов» [7], «...Только за ту главную мысль борются, которой корни в сердце, в его сочувствиях и отвращениях, в его горячих верованиях или таинственных, смут-

ных, но неотразимых и, как некая сила, могущественных предчувствиях!» [2, с. 37]. Можно ли превратить этот стиль в теорию и метод, что, собственно, и предполагает рациональная строгая реконструкция?

Попытки описать органицизм как теорию и метод предпринимаются время от времени. Но при знакомстве с результатами такого упорядочивания возникает впечатление некой противоречивости их и с предметом описания, и с самими органицистами. Как уже было цитировано выше, для познавательного самоконтроля органического мышления метод не принципиально важен, важнее «интуитивное знание, куда повернуть». С объективной точки зрения, при этом важно еще раз отметить, что в органической традиции мы знаем только гениальных уникалов, и не находим как таковых методических «школ». Невозможно обнаружить эпигонов среди их почитателей, известных какими-нибудь подражательными работами. Н.И. Надеждин, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, Ф.Э. Шперк, М.М. Бахтин, Г.С. Померанц – все они узнаваемо индивидуальны и неподражаемы, и объединены, в том числе, нелюбовью к подражательству³, к «сделанности» мысли и текста по чужому – а значит, чуждому, не органичному – образцу. Самое методологически описанное и отрефлектированное в обсуждениях явление в рамках органицизма – это литературная органическая критика, названная так Ап. Григорьевым и связывавшаяся им самим с европейской органической шеллингианской традицией⁴. В структуре этой органической критики необходимым образом присутствует и историческая критика, или историческая герменевтика, как ее сейчас было бы корректней называть, в силу первенствующего значения в ней над задачей понимания истории и духа времени, сущности национально-исторической эпохи – задачи уяснения авторского отношения к исторической действительности и оценки его с позиции идеалов (идеалов авторских и идеалов «вечных», истинных, постигаемых тем самым «чувством Истины») (см.: [3, с. 18]). Однако важно подчеркнуть, что, владея приемами органической критики, более того, описав эти при-

² Если Н.И. Надеждин, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, М.М. Бахтин могут быть выстроены в последовательность читателей друг друга, то единомыслие Г.С. Померанца с А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым чтением их работ не обусловлено, судя по всему, ни в какой мере – своих учителей, круг чтения и другие источники идейных поворотов Г.С. Померанц указывает весьма тщательно. При этом он, несомненно, человек органической традиции, что явствует из всего им написанного, где ключевыми понятиями и идеями являются жизнь во всех ее взаимосвязанных проявлениях, глубина и целостность личности, сложность и историчность видения ответов на жизненно важные вопросы и отрицание линейно-прогрессистских теорий, разоблачение всяческих идеологических догм; об этом же свидетельствует полемичный, диалогичный, вопросно-ответный стиль его письма, постоянное возвращение к главным темам органической традиции – время и вечность, Бог и история, Восток и Запад, личность, этнос, нация и человечество, их развитие и глубинная неподвижная сущность... Г.С. Померанц не только постоянно пользуется понятиями органического и органичного, но и предпринимает попытку уточнения органической метафоры «цивилизация-организм» (см.: [9, с. 222-228]).

³ Отдельного рассмотрения заслуживают стилизации в статьях Н.Н. Страхова.

⁴ О шеллингианских основаниях органического понимания истории см.: [2, с. 38]; о том, что шеллингианец Т. Карлейль – «творец совершенно новой критики», а именно – «органической критики» см. [2, с. 50].

емы органической критики как альтернативные по отношению к неправильным методам эстетической и исторической критик (Григорьев прямо употребляет слово «метод» [2, с. 46] в этом значении), сам Аполлон Григорьев писал исключительно по вдохновению и бросал недописанные статьи, если уходило волнение, и никакого метода взамен ушедшего настроения не применяя и не в силах применить (кроме компиляции текста из больших фрагментов своих прежних работ, практически не измененных). И В.В. Розанов не раз признавался, что не мог переработать ни одну свою статью в заданном методическом или теоретическом ключе.

Самый методически дисциплинированный, самый рациональный критик и писатель из круга русских органицистов, Н.Н. Страхов не только уличен в отступлении от григорьевских методических принципов⁵, но неоднократно высказывался весьма критично, а порой и насмешливо, против методологизма (позитивистского толка, в первую очередь), захлестывавшего литературные и исторические исследования конца XIX в. Так, в работе 1893 г. «Заметки о Тэне» он прямо дает оценку попыткам Тэна, абсолютно неудачным, с точки зрения Страхова, убедительно описать и объяснить ход событий французской революции: «...В душе человека и в истории действуют некоторые высшие силы, которых не знает или не умеет ввести в свой расчет Тэн. Разумеется, весь смысл истории изменяется для того, кто будет сознательно следить в ней за проявлением и развитием этих сил. В сущности, история человечества представляет нам ряд явлений таинственных, непонятных, то есть имеющих для нашего ума неисчерпаемую глубину, неистощимую поучительность. ... Мы прикидываем к предмету то одни, то другие мерки, мы освещаем его то с одной, то с другой стороны, и каждый раз лучше и лучше его разумеем, но вполне исчерпать его мы не можем, так как часть всегда меньше целого, и никакой ум не может подняться на высоту, на которой человечество лежало бы ниже его. Одно из самых таинственных и глубоких явлений есть революция» [10]. С этими мыслями удивительно тесно переплетаются размышления Г.С. Померанца о мистике революции, записанные почти

веком позже в связи с осмыслением другой великой трагедии, о возможности которой писал в свое время Н.Н. Страхов, – о революции в России, смысл и историческое значение которой уже многократно пересмотрены и будут долго оставаться открытыми вопросами для открытия, не догматического исторического мышления. «Я думаю, что в решающий момент эпохи чувствуется та сверхчеловеческая рука, смысл действий которой мы даже не понимаем. Лишь недостаток глубинного мышления заставляет нас искать объяснения в полуреальной-полуфантастической группе, которая будто бы что-то замышляет и делает» [9, с. 231].

В этой диалогической переключке сначала привлекает внимание сходство в авторских подходах – прежде всего замечаются одинаковые используемые ключевые словопонятия «глубинное» – о мире и об уме, постигающем мир; «высшее» и «непонятное» – о том самом сверхъестественном, что проявляет себя в самых глубинных явлениях бытия и мышления. Но и различия в репликах примечательны и существенны: Н.Н. Страхов говорит о непонятности события революции в его полноте и целостности, но признает полезными, всё «лучшими», все подходы к ее освещению, все прилагаемые мерки; Г.С. Померанц же считает некоторые объяснения совершенно ложными (и мы знаем, как появились эти искусственные схемы «теории революции», с которыми еще не приходилось в обязательном порядке иметь дело И. Тэну и Н.Н. Страхову)⁶. Роль высших

⁶ В другой книге Г.С. Померанц, правда, опровергает эту свою оценку следующими словами: «Ни один век не ошибался. Нельзя судить историю по двоичной логике (да – нет, истина – ложь). Каждый исторический пласт заключает в себе истину, но истины неравноценны. И задача духовной работы – установить “ценностей незыблемую скалу”. В которой социальный, классовый анализ не отбрасывается, а становится на свое (подчиненное) место» [8, с. 31]. В этом суждении Г.С. Померанц снова сближается с одной из главных мыслей А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова о наличии герменевтического смысла и исторического оправдания у любого человеческого заблуждения, личного или коллективного (в отличие от О. Мандельштама, они не считают «ошибки веков» «скучными» – в этом смысле цитата тоже усиливает многозначность смысла фразы, ее полемичность с самой собой). И в этом сближении опять можно заметить различие: Г.С. Померанц возлагает духовную (не абстрактно-логическую, не теоретическую!) работу по установлению более гармоничного, более многогранного видения и понимания – на человека, на немногочисленных, но очень важных в жизни любой культуры духовных подвижников, фактически

⁵ См. тезисы диссертации Ж.В. Малецкой, выполненной под научным руководством профессора Н.А. Горбанева, автора идеи о том, что Страхов предал органическую критику Григорьева, отступил от провозглашенных принципов в сторону почвенничества. См. также статью самого Н.А. Горбанева [1].

сил в истории обоими философами, признававшимися в мистическом умонастроении, отдавая, конечно, божественному началу, но и к нему отношение не тождественное: если Г.С. Померанц говорит как бы за всех людей, что смысл действия «сверхчеловеческой руки» мы не понимаем, то Н.Н. Страхов, очевидно, разделяет пытающихся промыслить исторические пути на тех, кто «не знает или не умеет» учесть в своих «расчетах» высшие силы, и тех, кто, по-видимому, знает и умеет или хотя бы знает, хотя и не умеет разбираться в этих по-настоящему глубинных и таинственных духовных силах. И на эту мысль о ясновидцах мы тоже найдем диалогический (в бахтинском смысле диалога) ответ в текстах А.А. Григорьева, В.В. Розанова, Ю.Н. Говорухи-Отрока и других мыслителей русской органической традиции, что прекрасно иллюстрирует григорьевский тезис о том, что «идея есть явление органическое, что она носится в воздухе, которым мы дышим...» [2, с. 42]. Однако такая взаимная переключка и тематическая отзывчивость создает возможность соблазна, собрав коллекцию тематически каталогизированных цитат, сконструировать из них «школу» русской органической философии или хотя бы «направление».

В связи со всем сказанным встает вопрос об уточнении самоопределяемой (в условиях отсутствия теории и метода) позиции сегодняшнего реконструктора, того, кто не может не учитывать в своей исследовательской работе неподражаемые авторские индивидуальности и в то же время известную общность установок мышления органицистов. Решая задачу реконструировать общие черты традиции, мы должны помнить и понимать противоречие тотального обобщения индивидуализирующему предметному отношению как важнейшей составляющей самой традиции. Прабова органических иссле-

хранителей этой культуры (ее стиля прежде всего); почвенники же А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов считают, что действительное разрешение противоречий, как и их зарождение и развитие, происходят только внутри самой тайной («неисследимой» для человеческого ума) стихии жизни, попытки управлять которой всегда приведут к отторжению естественным искусственным пути, то есть к реакции (у А.А. Григорьева «реакция» – понятие положительно окрашенное, выражение неукротимой правды жизни (см.: [2, с. 49]). Роль же гения сводится к тому, чтобы вывести прозрение этого тайного движения на свет сознания, разума и чувства, создав понятный людям художественный образ, в котором по вдохновению свыше выражено то, что велел ему выразить «вечный закон» (см.: [2, с. 43]).

довательских интуиций должна быть показана в рамках максимально проясненных принципов каждого взятого в отдельности мыслителя, а затем и в более широкой перспективе накопленного нового опыта познания, дающей возможность убедиться как в справедливости гениальных прозрений, в их подхваченности и развитии, так и в неизбежной, исторически обусловленной конкретной неполноте их, ограниченности, а в чем-то и ошибочности. Г.С. Померанц сформулировал задачу так: «Отбросим все термины и будем говорить просто о вечном (глубинном) и временном (поверхностном) я» [8, с. 25]. Этот призыв выявлять сочетание и проявление вечного во временном, неизменного идеала человеческой души в его живом конкретном историческом воплощении, словами А.А. Григорьева, – чрезвычайно характерная стихийная переключка органических писателей, ничем и никем нарочно не организованная тема, общая им всем, выражимая наилучшим образом не терминами – философскими ли, или психологическими, – а понятным всем и каждому простым человеческим языком.

Традиция органического понимания в истории русской мысли, представители которой всегда выступали против засмысленности господствующих идеологизированных теорий и догм, остается актуальной для современной российской философии во всех своих главных темах. Это и вопрос о природе и судьбе русской/российской нации, о развитии ее самосознания в научных, художественных и религиозных формах; и поиск гармоничного созидательного взаимоотношения между личной свободой и национальным историческим путем; поиски рационального объяснения интуитивно понятым истинам истории, истолкование их не только научно-теоретически, то есть односторонне, но и в философско-религиозном, мировоззренческом, смысложизненном ключе, выражающем содержание данной исторической ситуации максимально полно, «художественно» ошутимо, как жизненно важное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбанев Н.А. Аполлон Григорьев и Н.Н. Страхов // Филологические науки. 1988. № 1. С. 19-25.
2. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 31-69.
3. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев – литературный критик // Григорьев А.А. Искусство

и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 5-30.

4. Кузьмина Г.П., Гаврилова Н.Г. Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания российских мыслителей // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6-4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34258>

5. Ольхов П.А. Здравый смысл и история. Заметки к полемической эпитафии Н.Н. Стрехова «Вздок на гробе Карамзина» // *Вопросы философии*. 2009. № 5. С. 125-132.

6. Ольхов П.А., Мотовникова Е.Н. История как жизненное целое: А.А. Григорьев и Н.Н. Стрехов в поисках органического понимания истории // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015. № 3. С. 88-95.

7. Померанц Г.С. Догматы полемики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pomeranz.ru/p/pub_dogmats.htm

8. Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. М.: РОССПЭН, 2003.

9. Померанц Г.С. Лекции по философии истории // Миркина З.А. Огонь и пепел. Померанц Г.С. Лекции по философии истории. М.: «Док», 1993. С. 197-266.

10. Стрехов Н.Н. Заметки о Тэне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml

11. Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX-XX вв.: От личности к традиции / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2013.

REFERENCES

1. Gorbanev, N.A., 1988. Apollon Grigoriev i N.N. Strakhov [Apollon Grigoriev and Nikolai N. Strakhov], *Filologicheskie nauki*, no. 1, pp. 19-25. (in Russ.)

2. Grigoriev, A.A., 1986. Kriticheskii vzglyad na osnovi, znachenie i priemi sovremennoi kritiki iskusstva [A critical look at the fundamentals, meanings and techniques of contemporary art criticism]. In: Grigoriev, A.A., 1986. *Iskusstvo i npravstvennost'*. Moskva: Sovremennik, pp. 31-69. (in Russ.)

3. Egorov, B.F., 1986. Apollon Grigoriev – literaturni kritik [Apollon Grigoriev as a literary critic]. In: Grigoriev, A.A., 1986. *Iskusstvo i npravstvennost'*. Moskva: Sovremennik, pp. 5-30. (in Russ.)

4. Kuzmina, G.P., Gavrilova, N.G., 2014. Organitsizm kak teoretiko-metodologicheskaya osnova miroponimaniya rossiyskikh mysliteley [Organicism as theoretical and methodological foundation of the worldview of Russian thinkers]. URL: <https://fundamental-research.ru/en/article/view?id=34258> (in Russ.)

5. Olkhov, P.A., 2009. Zdravyi smysl i istoriya. Zametki k polemicheskoy epitafii N.N. Strakhova «Vzdokh na grobe Karamzina» [Common sense and history. Notes to the polemical epitaph of N.N. Strakhov "Sigh on the Karamzin's coffin"], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 125-132. (in Russ.)

6. Olkhov, P.A. and Motovnikova, E.N., 2015. Istoriya kak zhiznennoye tseloye: A.A. Grigor'yev i N.N. Strakhov v poiskakh organicheskogo ponimaniya istorii [History as a living entity: Apollon A. Grigoriev and Nikolay N. Strakhov in search of organic conception of history], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 88-95. (in Russ.)

7. Pomerants, G.S., 2003. Dogmati polemiki [The dogmas of controversy]. URL: http://www.pomeranz.ru/p/pub_dogmats.htm (in Russ.)

8. Pomerants, G.S., 2003. Zapiski gadkogo utenka [Notes of an ugly duckling]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

9. Pomerants, G.S., 1993. Lektsii po filosofii istorii [Lectures on the philosophy of history]. In: Mirkina, Z.A., 1993. *Ogon' i pepel*. Pomerants, G.S., 1993. *Lektsii po filosofii istorii*. Moskva: "Dok", pp. 197-266. (in Russ.)

10. Strakhov, N.N., 1893. Zametki o Tene [Notes about Tane]. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml (in Russ.)

11. Pruzhinin, B.I. and Shchedrina, T.G. eds., 2013. *Epistemologicheski stil' v russkoi intellektual'noi kul'ture XIX-XX vv.: Ot lichnosti k traditsii* [Epistemological style in Russian intellectual culture of 19th – 20th centuries: From personality to tradition]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)